

МИФ ПСИХОТЕРАПИИ

В.П. РУДНЕВ

Руднев Вадим Петрович — главный научный сотрудник Российского института культурологии, доктор филологических наук.

Автор 12 книг, четыре из которых посвящены проблемам философии психопатологии: «Характеры и расстройства личности: Патография и метапсихология» (2002), «Тайна курочки Рябы: Безумие и успех в культуре» (2004), «Словарь безумия» (2005), «Диалог с безумием» (2005).

Член Профессиональной психотерапевтической лиги.

Контакты: vprudnev@mail.ru

Резюме

Психотерапия в статье рассматривается как языковая игра. Психотерапевт и пациент выступают не столько как сотрудники, сколько как соперники. Автор разделяет гипотезу современного английского психиатра Тимоти Кроу, в соответствии с которой шизофрения — это видовая болезнь homo sapiens, стало быть, в той или иной степени каждый человек — шизофреник. Виной этому человеческий язык. В этом смысле психотерапия выглядит как абсурдное занятие — игра одного шизофреника с другим при помощи шизофреногенного языка.

«Чего бы ни добивался психоанализ, среда у него одна — речь пациента». Это знаменитое высказывание Жака Лакана можно применить к любому типу психотерапии, даже к самому радикальному. В основе любой психотерапевтической акции всегда лежат диалогические отношения между психотерапевтом и пациентом. Другими словами, любая психотерапия есть языковая игра в том смысле, который придал этому термину Людвиг Витгенштейн (Витгенштейн, 1994), т. е. любое использование языка подразумевает ис-

пользование каких-то правил. Примеры языковых игр, сходных с психотерапией, — исповедь, лекция, беседа, обмен мнениями; примеры несходных с психотерапией языковых игр — отдача команд и распоряжений, любовное объяснение.

Но любая игра, будь то исповедь или адюльтер, подразумевает одну универсальную особенность: в игре кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает. И участники языковой игры всегда в каком-то смысле коммуникативные соперники. Психотерапевт побеждает в том случае, если пациент

выздоровливает. Пациент побеждает в том случае, если он остается больным. Давно уже не секрет, что во взаимодействии терапевта и пациента каждый играет за себя. И врач не менее отстаивает свое здоровье в этой нелегкой языковой игре (впервые об этом стал говорить Юнг), чем пациент свою болезнь. Существует, конечно, «разумное Эго» пациента, сотрудничающее с терапевтом, существует «рабочий альянс», но чем в большей мере больным является пациент, тем меньше в нем разумного Эго и тем более отдаленной становится перспектива установления рабочего альянса. В тяжелых случаях психотерапевту, во-первых, придется продираться сквозь джунгли бесконечных сопротивлений пациента и, во-вторых, постоянно сдерживать себя, не давая воли своему отрицательному контрпереносу.

Когда Брейер и Фрейд начали лечить своих пациенток-истеричек, они придумали новую и увлекательную языковую игру, играть в которую было нелегко, но которая неожиданно сулила большие выигрыши. С этого времени прошло более ста лет, многое изменилось, изменилась техника, у психоанализа появились серьезные соперники — другие психотерапевтические языковые игры, среди них такие легкомысленные и коммерческие, как НЛП, обещающее излечить чуть ли не тяжелого кататоника за три минуты. Но главное осталось прежним: психотерапевт и клиент как были, так и остались соперниками, даже врагами.

В 1971 г. вышла книга знаменитого психотерапевта, представителя антипсихиатрического направления Томаса Саса «Миф психического за-

болевания» (Szasz, 1971). В ней автор, рассматривая, в частности, феномен истерии, возвращается к исходному положению вещей, с которого началось психоаналитическое изучение истерии. Основоположники психоанализа, а также их учитель Жан-Мартен Шарко должны были прежде всего убедить научное сообщество, что истерики — не симулянты, а настоящие больные. Это удалось сделать с большим трудом. В своей книге на новом витке истории Томас Сас утверждает нечто вроде того, что истерики все же подобны симулянтам. Вернее, их недуг не носит характера болезни в точном смысле этого слова. Скорее, они пользуются другим языком, иконическим: истерические стигмы (парезы, астазия-абазия, мутизм и т. д.) передают суть сообщения на иконическом языке. Например, когда человек не может ходить, он тем самым сообщает своему коммуниканту: «Видишь, как мне плохо, я даже не могу стоять на ногах»; если у истерика мутизм, он этим хочет передать информацию: «Мне так плохо, что я даже не могу говорить». Задача психотерапевта в этом случае не вылечить больного, а перекодировать иконическое послание на обычный язык вербальных символов. Когда он это сделает, т. е. когда послание будет расшифровано, «болезнь» пройдет.

Еще более радикальный пафос отрицания традиционного понимания душевной болезни содержится в знаменитой книге основателя антипсихиатрии Рональда Лэйнга «Расколотое Я» (Лэйнг, 1995). Лэйнг в ней говорит о том, что шизофреники — гораздо более привлекательные люди, чем их врачи, просто это люди с

другим внутренним миром, и к ним надо подходить с мерками этого другого мира. Он приводит пример, когда Эмиль Крепелин грубо осматривает психическую больную: «Господа, случаи которые я предлагаю вам, весьма любопытны. Первой вы увидите служанку двадцати четырех лет, облик которой выдает сильное истощение. Несмотря ни на что, пациентка постоянно находится в движении, делая по несколько шагов то вперед, то назад; она заплетает косы, распущенные за минуту до этого. При попытке остановить ее мы сталкиваемся с неожиданно сильным сопротивлением: *если я встаю перед ней, выставив руки*, чтобы остановить ее, и если она не может меня обойти, она внезапно нагибается и проскакивает у меня под рукой, чтобы продолжить свой путь. *Если ее крепко держать*, то обычно грубые, невыразительные черты ее лица искажаются и она начинает плакать до тех пор, пока ее не отпускают. Мы также заметили, что она держит кусок хлеба в левой руке так, что *его совершенно невозможно у нее отнять*. <...> *Если вы колете ее иголкой в лоб*, она не моргает и не отворачивается и оставляет иголку торчать изо лба, что не мешает ей неустанно ходить взад-вперед».

А теперь комментарий Лэйнга: «Вот мужчина и девушка. Если мы смотрим на ситуацию с точки зрения Крепелина, все на месте. Он — здоров, она — больна; он — рационален, она — иррациональна. Из этого следует взгляд на действия пациентки вне контекста ситуации, какой она ее переживает. Но если мы возьмем действия Крепелина (выделенные в цитате) — он пытается ее остановить,

стоит перед ней, выставив вперед руки, пытается вырвать у нее из руки кусок хлеба, втыкает ей в лоб иголку и т. п. — вне контекста ситуации, переживаемой и определяемой им, то насколько необычными они являются!» (Лэйнг, 1995, с. 291–292).

В сущности, сумасшедший и врач меняются местами. Согласно комментарию Лэйнга, как сумасшедший ведет себя скорее Крепелин. Пафос апологии душевных болезней вплоть до отрицания их болезненной сути, как в книге Томаса Саса, воплощает Кен Кизи в «Полете над гнездом кукушки» (особенно этот пафос выражен в знаменитой экранизации с Джеком Николсоном в главной роли). Но известно, что призыв антипсихиатров закрыть психушки и выпустить больных ни к чему хорошему не привел (например, участились самоубийства). Как социальный проект антипсихиатрия потерпела поражение. Говоря о «Полете над гнездом кукушки», мы отметим одну парадоксальную и универсальную особенность: психические больные не хотят выздоравливать (почти все больные в упомянутой книге и фильме содержатся в лечебнице добровольно и не хотят уходить оттуда). Всем известно психоаналитическое выражение «бегство в болезнь». Почему же душевнобольные не хотят выздоравливать? Потому что больным быть выгоднее, чем здоровым. Рентный характер душевных болезней подчеркивался еще Фрейдом. Но это не вся правда. Согласно воззрениям, которых придерживаемся мы, душевнобольные не хотят выздоравливать, потому что они *не могут* выздороветь.

В 1997 г. английский психиатр Тимоти Кроу в статье с провокативным

названием «Является ли шизофрения платой за использование homo sapiens дискретного языка?» выдвинул гипотезу, которую обосновал на генетическом уровне. Согласно этой гипотезе, шизофрения не только является специфической болезнью человека как вида (это было известно и до него), но она *определяет* человека как вид, в частности, ген языка и ген шизофрении — это один и тот же ген (Crow, 1997). Иначе говоря, *каждый человек* в той или иной степени немного *шизофреник*, о чем, впрочем, писал и П.Б. Ганнушкин в 1913 г. в статье «К вопросу о шизофренической конституции» (Ганнушкин, 1997). Таким образом, психотерапия — это такая языковая игра, когда один шизофреник пытается вылечить другого, используя при этом не что иное, как язык, который сам является функцией и лейблом шизофренического заболевания.

Что же конкретно психопатологического в языке?

Язык истеричен. Что определяет истерию? Конверсия, вытеснение, демонстративность, иконизация (отелеснивание знака), pseudologia fantastica. Начнем с последнего как с самого очевидного. Можно ли было бы человеку врать, если бы он не обладал языком? Ответ очевиден. Истина и ложь — понятия языка. Возможность утверждать то, что не соответствует действительности, предоставляется самим языком в весьма широких пределах. Истина — островок в море вранья, если перефразировать слова Уилларда Куайна (Quine, 1851). Создан ли язык для того, чтобы передавать истинную информацию? Но уж что-то, а дезинформировать он мастер. А как понимать

истерическую иконизацию в языке? Об этом писал еще Якобсон в замечательной статье «В поисках сущности языка», где приводятся примеры того, как чисто релятивные грамматические категории иконизируются. Например, как правило, прилагательные положительной сравнительной и превосходной степеней распределяются соответственно длине. Слово long (длинный) короче слова longer (длиннее), а слово longest (длиннейший) — самое длинное (Якобсон, 1985). Вообще вся конвенциональность языка как принцип является абстракцией. По ассоциации с каждым словом, будь оно конкретное или абстрактное, в сознании говорящего и слушающего встает какой-то икон. Слова отелесниваются в их речевом использовании. Демонстративность также заложена в языке. Само понятие риторики как возможности украшать речь фигурами и тропами говорит о том, что язык приспособлен к тому, чтобы быть демонстративным, ярким, пышным, вызывающим, кричаще-пестрым. Вообще преобладание в языке означающего над означаемым (закон Лакана, сформулированный им для симптоматической невротической речи) делает его в принципе языком-невротиком. Не может быть такого положения вещей, чтобы означаемых было больше, чем означающих, чтобы вещей было больше, чем слов. Слов всегда больше, чем вещей. Одна вещь может быть обозначена многими словами. Забегая вперед, в пределе — в шизофренической модели языка и в поэзии — *всеми* словами.

Бинарность обсессивно-компульсивной семиотики — стояние на развилке благоприятного и неблагоприятного — также отражена в языке.

Во-первых, структура языка основана по большей части на принципе бинарности. Это прежде всего касается фонологических оппозиций: гласный — согласный, глухой — звонкий, твердый — мягкий. В свое время Якобсон с американскими коллегами построил совершенно одерживную универсальную фонологическую систему, состоящую из 12 признаков, которая описывала фонологии всех возможных языков. Синтаксис и семантика представляют путь бинарных семиотических развилок: подлежащее — сказуемое, определение — подлежащее, обстоятельство — сказуемое и т. д. В семантике то же самое. Одушевленное — неодушевленное, человек — нечеловек, женщина — мужчина, женатый — неженатый. Это семантическое дерево слова «холостяк» — хрестоматийный пример генеративной семантики.

Роль числа, определяющего одерживную (Руднев, 2002), в языке достаточно велика. По крайней мере, существует целая грамматическая категория числительных, играющая в языке значительную роль. Во всяком случае, число вне языка в принципе существовать не может так же, как и сама математика. Механизм изоляции, характерный для одерживно-компульсивных расстройств, также характерен для языка. Язык (во всяком случае, как его представляли себе структуралисты) есть замкнутая существующая изолированно от речи система знаков. В целом можно сказать, что истерическое и одерживное начала образуют два полюса в языке, один из которых не может существовать без другого, они вступают друг с другом в непрерывный диалог.

Вопрос о том, содержится ли в языке шизофрения, является ключевым, так как, согласно гипотезе Кроу, именно язык заразил homo sapiens этой болезнью. Да, в определенном и достаточно весомом смысле язык является шизофреническим образованием, так как в нем содержатся все потенциальные высказывания, в частности прямо противоположные друг другу. Вторая шизофреническая особенность языка состоит в том, что он не содержит жестких ограничений на то, чтобы все что угодно было поименовано всем чем угодно, т. е. язык не только не сопротивляется порождению избыточно метафорических высказываний, которые могут восприниматься как бессмысленные, но и своим устройством способствует этому. Если бы язык был устроен так, как об этом мечтали логические позитивисты (без многозначности, омонимии и исключений из правил), на нем не были бы возможны шизофренические высказывания, в частности шизофреническая поэзия типа Хлебникова, Введенского, Хармса или позднего Мандельштама. При этом уровень метафоризации в языке является неконечным. Когда-то основатель генеративной лингвистики Ноам Хомский смоделировал ставшую хрестоматийной фразу в качестве образца бессмысленности — «Бесцветные зеленые идеи яростно спят». Но через некоторое время другой лингвист, Хилари Патнем, показал, что эту фразу можно представить как вполне осмысленную. Идеи вполне могут быть бесцветными, при этом они могут быть «зелеными» (в смысле незрелыми). Идеи могут «спать», т. е. бездействовать,

быть неиспользованными, и при этом «спать» «яростно», т. е. их неиспользование носит активный, агрессивный характер. По-видимому, любое кажущееся на первый взгляд бессмысленным бредовое шизофреническое высказывание при желании может быть таким же или сходным образом расшифровано как вполне осмысленное, просто повышенно метафорическое.

Психотерапия внутри шизофренического сообщества людей — это миф. Но миф не ругательное понятие. При помощи мифа человеческая культура строила грандиозные кос-

могонические и космологические системы. Многие тысячелетия люди жили в мифологическом сознании, да, впрочем, живут и до сих пор. В известном смысле мифом является и наука. Говорить о полезности той или иной мифологической системы можно только *ad hoc*. Тоталитарные мифологические системы, безусловно, вредны для общества, демократическая мифология более или менее полезна. Что касается психотерапии, то она, по крайней мере, хотя бы в подавляющем большинстве случаев безвредна...

Литература

Витгенштейн Л. Избранные философские работы. М.: Гнозис, 1994.

Ганнушкин П.Б. Избранные труды. М.: Наука, 1997.

Лэйнг Р. Расколотое Я: Антипсихиатрия. М.: Академия, 1995.

Руднев В. Характеры и расстройства личности. М.: Класс, 2002.

Якобсон Р.О. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1985.

Crow T. Is schizophrenia the price that Homo sapiens pays for language? // *Schizophrenia Research*. 1997. № 28.

Quine W.V.O. From a logical point of view. Cambr. (Mass.), 1951.

Szasz Th. The Myth of mental illness. N.Y.: N.Y. University Press, 1971.